

В. В. Мальцев

СОЦИАЛЬНОЕ БЛАГО КАК ПРЕДМЕТ ОБЪЕКТА УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ И ОЦЕНКИ В МАССОВОМ ПРАВОСОЗНАНИИ

В статье предпринята попытка рассмотрения содержания предмета объекта преступления в российском уголовном законодательстве, а также его оценка в массовом правосознании.

Ключевые слова: уголовное законодательство, объект преступления, предмет преступления, социальное благо.

V. V. Maltsev

SOCIAL WELFARE AS A SUBJECT MATTER OF THE OBJECT OF CRIMINAL LAW PROTECTION AND ITS EVALUATION IN MASS LEGAL AWARENESS

In the article the author makes an attempt to consider the content of a subject matter of the object of a crime in the Russian criminal legislation as well as its evaluation in mass legal awareness.

Keywords: criminal legislation, object of a crime, subject of a crime, social welfare.

В послереформенной уголовно-правовой литературе в вопросе о понятии объекта преступления существует несколько точек зрения. Одна группа авторов исходит из традиционного понимания объекта преступления как общественных отношений (Р. Р. Галиакбаров, Н. П. Иваник, И. Я. Козаченко, В. Е. Мельникова, И. А. Чучаев) [1, 111; 17, 142; 15, 110; 19, 82]. Другие исследователи наряду с общественными отношениями относят к объекту и некоторые иные предметы (Н. И. Пикуров, И. Г. Соломоненко) [18, 118; 13, 70]. Есть и ученые, отвергающие общественные отношения в качестве объекта преступления и рассматривающие его как «правовое благо», «защищаемый интерес», «социально значимые ценности, интересы, блага» (А. Э. Жалинский, А. В. Наумов, А. В. Пашковская) [16, 104; 9, 146—147; 8, 202].

При несомненной принадлежности понятий «социальные ценности», «интересы», «блага» к теории объекта уголовно-правовой охраны ключевым в разрешении проблемы объекта выступает ответ на вопрос: самостоятельны ли стоящие за указанными понятиями явления либо они вместе с субъектами отношений, социальными связями субъектов между собой образуют единую

структуру общественных отношений как объекта охраны, представляя из себя предмет отношений? Причем ответ на этот вопрос важен не только для теории объекта преступления, а значит, уголовного законодательства в целом и отдельных его норм, но и для адекватного справедливого восприятия категорий «преступление» и «наказание» массовым правосознанием. Ведь от того, насколько справедливым и нравственным воспринимается населением тот или иной уголовно-правовой запрет и то или иное наказание за совершение деяния, объявленного этим запретом преступлением, зависит эффективность положительного воздействия уголовного закона на сознание граждан, а следовательно, и действительность уголовно-правовых средств борьбы с преступностью. Между тем эффективность и действенность не могут быть достигнуты без выявления содержания предмета охраняемых уголовным правом общественных отношений, характера их взаимосвязи между собой и общественно опасным вредом, причиняемым преступлением. Более того, верное разрешение этой проблемы, по сути, обуславливает и точность ответа на вопрос как о содержании общественной

безопасности как социального признака преступления в его общем понимании, так и в аспекте определения характера и степени общественной безопасности всякого преступления.

Уже давно и совершенно правильно указал М. И. Ковалев, что общественная опасность «не может быть заключена в объекте преступления. Его существенным свойством является общественная полезность, и только поэтому посягательство на него считается опасным» [5, с. 67—68], что «в большинстве преступлений именно реальный и возможный ущерб и должен быть главным критерием опасности преступления, а следовательно, и суровости санкций» [6, с. 212].

Итак, к предмету (объекту) общественных отношений относят: «различные явления внешнего (по отношению к данным социальным субъектам) мира, способные удовлетворять определенные потребности отдельных членов общества, их коллективов или общества в целом (объект отношения)» [22, с. 113]; «конкретная вещь материального мира либо конкретное духовное благо (литературное произведение, избирательное право и т. д.) определяют содержание отношения (наряду, как указывалось выше, с другими моментами)» [3, с. 28]; «является все то, что входит в круг человеческих потребностей, а это обстоятельство как раз и обуславливает возникновение и функционирование самих отношений. Поэтому предметом общественного отношения могут выступать прежде всего различного рода физические тела, вещи (природные объекты, различные товары или предметы, не обладающие признаками товара), а также сам человек». Правда, «в отношении, где определенный человек является его предметом, функции субъекта выполняют уже иные лица» [14, 42]; социальные блага, в качестве которых «могут выступать материальные и духовные ценности. В целом ряде случаев им может быть то или иное общественное отношение. Так, например, в отношениях собственности благом является имущество. В системе личностных общественных отношений благом являются, в частности, честь и достоинство человека, т. е. духовные ценности. В

системе политических отношений политическая власть, которая сама в свою очередь должна рассматриваться в качестве общественного отношения, и т. д.» [20, 98].

В целом можно согласиться с кругом тех вещей материального мира, конкретных духовных благ, приведенных процитированными авторами в качестве примеров предмета (объекта), охраняемых уголовным правом общественных отношений. Действительно, этот круг очень широк и по содержанию чрезвычайно разнообразен. Тем не менее необходимы некоторые уточнения.

Так, едва ли верен тезис о том, что предметом общественного отношения может выступать «сам человек», что в этом случае «функции субъекта выполняют уже иные лица» (В. Я. Тацкий). При посягательстве на человека как обладателя неотъемлемых прав и свобод предметом отношения выступает не он сам, а именно данная совокупность его прав и свобод, которая и поставлена под охрану уголовного закона: жизнь и здоровье, свобода, честь и достоинство личности, половая неприкосновенность и половая свобода личности, конституционные права и свободы человека и гражданина, социальное и физиологическое становление личности, семейные отношения (гл. 16—20 УК РФ).

Недостаточно убедителен и пример, приведенный В. Я. Тацием в подтверждение своего вывода: «в объекте такого преступления, как похищение или подмена чужого ребенка, последний является лишь предметом охраняемого уголовным законом отношения, а в качестве его субъектов выступают родители этого ребенка» [14, с. 43]. Между тем предмет отношения, в данном случае свобода личности, не обуславливается возрастом человека. Субъектами отношения из-за малолетства похищенного отнюдь не становятся его родители, хотя ими осуществляется законное представительство интересов ребенка, в уголовно-процессуальном смысле они признаются потерпевшими. Однако по Конституции России и уголовному праву, точно так же, как и в преступлениях против жизни, здоровья или половой неприкосновенности малолетних, последние выступают не предметами, а субъектами охраняемых общественных

отношений, путем воздействия на которые только и можно совершить упомянутые выше посягательства, ибо *«основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения»* (ч. 2 ст. 17 Конституции).

Субъект отношения одновременно не может быть и его предметом. Впрочем, деяния против свободы детей обычно причиняют ущерб и семейным отношениям, которые в связи с этим и самостоятельно отдельной нормой вполне могут быть поставлены под уголовно-правовую охрану.

Весьма умозрительно и скорее всего небезупречно и положение о том, что в качестве предмета отношения может выступать «то или иное общественное отношение... политическая власть» (В. Д. Филимонов). Более широкое общественное отношение может охватывать отношение, меньшее по объему, включать его в свое содержание. Однако от этого последнее не утрачивает свойства общественного отношения, не превращается лишь в элемент структуры большего по объему отношения. В таких ситуациях законодатель формулирует нормы с несколькими объектами преступления или специальные нормы с несколькими объектами преступления или специальные нормы, предназначенные для охраны именно этих менее объемных общественных отношений. Что же касается политической власти (термина более научного, чем конституционно-нормативного), то она как единое социальное явление УК неизвестна. Нормами УК охраняется только правильное в соответствии с Конституцией и Законами Российской Федерации функционирование отдельных звеньев органов государственной, исполнительной и судебной властей, местного самоуправления. По-видимому, в совокупности они и могут быть представлены как власть политическая, но такое соединение находится за конституционными и уголовно-правовыми рамками. При конструировании же норм, формулирующих составы преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства (гл. 29), государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (гл. 30), правосудия (гл.

31) и порядка управления (гл. 32 УК РФ), как выясняется, необходимости включения отдельных общественных отношений как элемента (предмета) структуры других охраняемых общественных отношений попросту нет.

Итак, предметами охраняемых общественных отношений выступают всевозможные материальные и духовные блага, способные удовлетворять потребности людей, общества и государства. Применительно к человеку — это его неотъемлемые права и свободы (разд. VII), ко всем социальным субъектам — права в области экономики (разд. VIII), к обществу — общественная безопасность и общественный порядок (разд. IX), государству — его безопасность и соответствующая Конституции и Законам России реализация им своих функций (разд. X), Вооруженным силам РФ — установленный порядок прохождения службы (разд. XI), мировому сообществу — его безопасность (разд. XII УК). Это обобщенное выражение предметов общественных отношений, адекватных объектам преступлений, закрепленных законодателем на уровне разделов Особенной части УК.

Дискуссионен вопрос о термине, наиболее точно отражающем содержание самого предмета (объекта) всего многообразия охраняемых общественных отношений. Представляется, что он должен соответствовать по крайней мере трем условиям. Во-первых, его наименование должно быть пригодным для обозначения в обобщенном виде предметов всех общественных отношений, охраняемых российском уголовным правом. Во-вторых, этот термин не может не отражать первичности такого предмета, как реальные социальные явления, существующие и вне массового правосознания и права. В-третьих, необходимо, чтобы его обозначение было органичным по структуре охраняемых общественных отношений и по возможности соответствовало уже разработанной в уголовно-правовой науке терминологии. Таким образом, исходя из всего ранее и только что сказанного, какое наименование предмета общественных отношений в большей степени отвечает указанным требованиям: «интерес», «социальная

ценность», «социальное благо»? Начнем по порядку.

В уголовном праве в понимании термина «интерес» есть несколько точек зрения. Одни авторы полагают, что «интерес — это тот объективно существующий социальный феномен, появление которого обуславливается функционированием общественных отношений. ... продукт общественных отношений» [14, с. 75], «общественные отношения существуют объективно и проявляются как интересы» [2, с. 63]. Другие включают его «в систему личности, а следовательно, и в структуру общественных отношений» [7, с. 55]. Наконец, по третьей точке зрения как раз, наоборот, общественные отношения являются продуктом интереса людей. Так, Е. А. Фролов писал, что «общественные отношения есть взаимосвязь социальных субъектов или, иначе, их взаимное сцепление; интерес же есть то, что сцепляет людей, заставляет их (в частности и помимо воли и сознания) с неизбежностью включиться в общую цепь взаимосвязей». «Таково, в общей форме, соотношение интереса и общественных отношений в причинно-следственном аспекте, который позволяет рассматривать интерес как причину, а общественное отношение как результат действия причины» [22, с. 163].

Слово «интерес» имеет в русском языке несколько значений: «внимание, любопытство, проявляемое к кому-либо, чему-либо, преимущественная направленность мысли на какой-либо объект», «то, что составляет преимущественное содержание мыслей, речи, забот кого-либо», «прибыль, выгода», «то, что составляет благо кого-либо, чего-либо, служит на пользу кому-либо, чему-либо; нужды, потребности» [10, с. 672]. Ни в первом, ни во втором, ни в третьем значениях слово «интерес» не подходит для использования в качестве наименования предмета общественного отношения. И даже в четвертом значении оно употребимо только наполовину: лишь в смысле блага, но совсем не «нужды, потребности». Последние, даже будучи искусственно включенными в структуру объекта, предметом общественных отношений быть не могут, ибо

охранять то, чего еще нет, что еще не реализовано в действительности, уголовное право не в состоянии. Поскольку почти все содержание слова «интерес» отношения к предмету объекта охраны не имеет, постольку и употребляться в качестве его названия оно не должно.

Скорее в аспектах «преимущественной направленности мысли на какой-либо объект», «содержания мыслей, речи, забот кого-либо» и даже «нужды, потребности» интерес входит «в систему личности», а отсюда и в структуру общественных отношений как их субъект, но отнюдь не предмет. Исключается признание интереса в качестве предмета отношений и с позиции как авторов, считающих его «продуктом общественных отношений» (В. Я. Таций) или их проявлением (Л. Д. Гаухман), так и относящих его к причине возникновения общественных отношений (Е. А. Фролов). Предмет как элемент структуры, то есть входящий в содержание отношения, не может быть одновременно ни «продуктом», ни «проявлением», ни «причиной» общественных отношений, ибо все эти явления находятся за пределами их содержания.

Иерархия социальных интересов в уголовном законодательстве — это прежде всего иерархия объектов охраны, потому и построение адекватной этим интересам системы охраны общественных отношений и последующая обусловленная содержанием такой системы правоприменительная деятельность органов государства, направленная на борьбу с преступными деяниями, на нее посягающими, как раз и является основной функцией уголовного права. Таким образом, социальные интересы подлежат уголовно-правовой охране не сами по себе, а исключительно лишь через защиту их выражающих общественных отношений и общественно полезного или общественно нейтрального поведения людей. Объявляя те или иные формы общественно опасного поведения преступными, законодатель тем самым ставит под охрану наиболее значимые (то есть соответствующие иерархии социальных интересов) общественные отношения и одновременно запрещает наиболее общественно опасные виды поведения человека (в которых,

кстати, воплощаются и его антисоциальные интересы). Охрана общественных отношений и запрет общественно опасных форм поведения в уголовном законодательстве оказывает стимулирующее воздействие на появление и развитие общественно полезных индивидуальных интересов, расширение круга лиц, сообразующихся в своих поступках с выраженными в уголовно-правовых нормах социальными интересами. Таким образом, и в плане значения в русском языке слова «интерес», и с позиций содержания термина «интерес» как социально-правовой категории (на социальном и индивидуальном уровнях) одноименное название в смысле предмета (объекта) как элемента структуры охраняемых уголовным правом общественных отношений употреблять нельзя.

Буквальный смысл выражения «социальная ценность» в русском языке означает «общественная важность, значимость чего-либо» [12, с. 214], а слова «предмет» — «явление действительности, факт» [11, с. 366]. Поскольку слово «предмет» является именем существительным, а выражение «социальная ценность» состоит из слов, относящихся к прилагательным, постольку, строго говоря, использование этого выражения для наименования предмета общественного отношения представляется невозможным. Тем не менее при столь широко применяемом и безусловно научно обоснованном аксиологическом подходе к правовым явлениям можно ли считать социальную ценность предмета отношения величиной постоянной, самостоятельной, независимой от ценности охраняемого общественного отношения, в структуру которого он входит как один из элементов?

Оценочно-познавательная деятельность присуща человеческому обществу, ибо люди «в процессе их целеполагающей деятельности в сфере их экономических, властных, семейных, религиозных и других отношений были вынуждены делать выбор между различными объектами материального и нематериального мира, различными вариантами поведения, способами организации социальной жизни, что всегда предполагало процедуру оценки, выработки

оценивающих критериев» [4, с. 20]. Поэтому было бы неосмотрительно полагать, что предметы отношений как объекты материального и нематериального мира до постановки соответствующих общественных отношений под уголовно-правовую охрану не подвергались социальной оценке. Нет, конечно, значительное большинство из них (прежде всего относимых к так называемым «вечным ценностям») многократно оценивались в самых разных ракурсах: социально-экономическом, социологическом, нравственном, религиозном, наконец, и в правовом (в том числе и уголовно-правовом аспекте). Вместе с тем не только смена систем уголовного законодательства (кстати, обычно обусловливаемая как раз трансформацией социального восприятия до этого существовавшей иерархии общественных отношений) влечет за собой порой кардинальную перестройку ценностных ориентиров, но и всякие изменения норм Особенной части действующего УК, включение в нее новых норм подразумевают преобразованные и впервые обозначенные трактовки социальной ценности объектов, охраняемых этими нормами.

В силу органического соединения предмета отношений с другими элементами их структуры (т. е. «внутренней формы организации системы, выступающей как единство устойчивых взаимосвязей между ее элементами» [21, с. 395]) и неразрывной связи объекта преступления с посягающим на него общественно опасным деянием, выраженным в уголовном законодательстве как состав преступления, уголовно-правовая оценка предмета вне охраняемых общественных отношений и без учета соответствующего состава преступления невозможна. Так, вроде бы вполне вытекающий из содержания ст. 2 Конституции России («Человек, его права и свободы являются высшей ценностью») тезис А. В. Наумова об абсолютной ценности человека «как биологического существа, жизни вообще как биологического явления» и его «самостоятельной абсолютной ценности» [9, с. 147] в уголовном праве отнюдь не всегда подтверждается. Не соглашаясь с А. В. Наумовым, Л. Д. Гаухман пишет: «Противоречивость концепции

состоит в том, что, констатируя абсолютную ценность человека как личности, автор в последующем изложении отступает от этого, признав объектом преступления не все блага (интересы), а лишь те, которые охраняются уголовным законом, и, следовательно, человека как личности не в качестве абсолютной ценности, а только тогда, когда личность охраняется уголовным законом. Между тем уголовный закон не признает абсолютной ценности человека как личности, что ярко проявляется в таком обстоятельстве, исключающем преступность деяния, как необходимая оборона, при которой охраняется уголовным законом лишь личность обороняющегося и допускается причинение вреда личности посягающего, которая, следовательно, этим законом не охраняется» [2, с. 71]. Жизнь как «биологическое явление» не охраняется и в некоторых ситуациях причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 38 УК), крайней необходимости (ст. 39 УК), исполнения приказа или распоряжения (ст. 42 УК). Жизнь человека в случаях дозволенного причинения ему смерти при обстоятельствах, исключающих преступность деяния, не защищается уголовным правом именно потому, что в этих ситуациях она не включена законодателем в охраняемые общественные отношения в качестве их предмета. Как раз потому, что объекты уголовно-правовой охраны здесь остаются в неприкосновенности, деяния, лишаящие человека жизни, не признаются общественно опасными (а часто считаются и общественно полезными), в результате их совершения не возникают отношения ответственности.

С позиций «самостоятельной абсолютной ценности» человека, по логике вещей, предполагающей и самостоятельную абсолютную (уж точно примерно одинаковую) ответственность за причинение ему смерти, нельзя объяснить наличие столь большой разницы в санкциях норм, предусматривающих ответственность за деяния, совершаемые против этой «абсолютной ценности». В подтверждение этого достаточно простого сопоставления: санкция ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство при отягчающих обстоятельствах)

предусматривает лишение свободы на срок от восьми до двадцати лет либо пожизненно, либо смертную казнь, ч. 2 ст. 107 УК (убийство, совершенное в состоянии аффекта) — до пяти лет, а ч. 1 ст. 109 УК (причинение смерти по неосторожности) — до двух лет. Следовательно, лишение жизни человека по УК может быть отнесено как к категории особо тяжких преступлений, так и к преступлениям средней и небольшой тяжести. Таким образом, если измерять ценность человека в уголовном праве по строгости санкций, грозящих за ее лишение, то она более чем относительна: по сути, за деяния против жизни может быть назначено любое из предусмотренных в законе наказаний (ст. 44 УК). При этом красноречив и тот факт, что довольно часто при обстоятельствах, исключающих преступность деяния, жизнь человека вообще какой-либо социальной ценности не представляет. Все это опять-таки свидетельствует о том, что предмет объектов охраны не самостоятелен и подлежит уголовно-правовой оценке лишь в совокупности с другими элементами структуры как общественное отношение в целом.

Слово «благо» во всех своих значениях: «благополучие, счастье, добро», «то, что служит к удовлетворению каких-либо человеческих потребностей, дает материальный достаток, доставляет удовольствие» [10, 92], в принципе употребляемо для наименования предмета охраняемых общественных отношений. Отсюда и термин «социальное благо» в обобщенном виде охватывает все объекты материального и нематериального мира, способные быть предметами указанных отношений. Он отражает первичность, изначальность предмета отношения и к праву, и к уголовно-правовой оценке, органичен по структуре объекта охраны и соответствует уже давно используемой в философии (Сократ) и в уголовном праве (А. Ф. Кис-тяковский, Н. С. Таганцев, Н. Д. Сергиевский, А. А. Пионтковский) терминологии. Поэтому следует признать, что предметом охраняемого общественного отношения является социальное благо.

Список библиографических ссылок

1. Галиакбаров Р. Р. Уголовное право. Общая часть. Краснодар, 2005.
2. Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2001.
3. Глистин В. К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений. Л., 1979.
4. Жуков В. Н. Введение в юридическую аксиологию (вопросы методологии) // Гос-во и право. 2009. № 6.
5. Ковалев М. И. Понятие преступления в советском уголовном праве. Свердловск, 1987.
6. Ковалев М. И. Советское уголовное право: курс лекций. Свердловск, 1974. Вып. 2.
7. Кузнецов А. В. Уголовное право и личность. М., 1977.
8. Курс уголовного права: в 5 т. Общая часть. Т. 1. Учение о преступлении: учебник для вузов / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и И. М. Тяжковой. М.: ЗЕРЦАЛО, 2002.
9. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть. М., 1996.
10. Словарь русского языка: в 4-х т. М., 1981. Т. 1.
11. Словарь русского языка: в 4-х т. М., 1983. Т. 3.
12. Словарь русского языка: в 4-х т. М., 1984. Т. 4.
13. Современное уголовное право. Общая и Особенная части / под ред. А. В. Наумова. М., 2007.
14. Тацкий В. Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. Харьков, 1988.
15. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. Б. В. Здравомыслова. М.: Юрист, 1996.
16. Уголовное право России: в 2 т. Т. 1. Общая часть / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. М.: НОРМА — ИНФРА, 1999.
17. Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. Р. Р. Галиакбарова. Краснодар: Изд-во КГАУ, 1999.
18. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. А. С. Сенцова. Волгоград, 2001.
19. Уголовное право России. Общая часть / под ред. А. И. Рарога. М., 2007.
20. Филимонов В. Д. Норма уголовного права. СПб., 2004.
21. Философский словарь / под ред. М. М. Розенталя. М., 1972.
22. Фролов Е. А. Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность: дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1971.